

ГЕРОИ РЕМАРКА

ИНТЕРЕС к миру маленьких, неустроенных, одиноких людей буржуазного общества, страдающих от мучительной несправедливости, несправедливости этого общества, безнадежно пытающихся найти в нем свое место, интерес к судьбам и чувствам, к мышлению и бытию представителей «потерянного поколения» в «Трех товарищах», пожалуй, более чем в любой другой книге писателя, прозякавшего с наибольшей силой. Герои Э. М. Ремарка ищут духовного пристанища в любви, товариществе, дружбе. Этими качествами — способностью героев к глубоким, искренним переживаниям — роман привлекает внимание зрителя. Люди, описанные Ремарком, отчаянно ищут и понимают, что их жизнь недостойна человека. И в этом отношении Ремарк прав: он выступает как обличитель яза и пороков буржуазного общества, он показывает, как оно скатывается к фашистскому строю, попергающему людей бесчеловечным унижением и страданиям, лишующим их права на счастье. Этою манеро Ремарк выступает и как страстный пацифист, он показывает бессмысленность, уродство войны, показывает, что она не только уничтожает, но и морально уродует, опустошает души людей.

Разоренные, часто не имеющие даже крова люди, о которых пишет Ремарк, — не только Роберт Локамп, Ленц и Кестер в «Трех товарищах», но и Равик («Триумфальная арка»), и Гребер («Время жить и время умирать») — проявляют во всем своем поведении черты губительной порядочности. Им претит душевный цинизм, неуемная жажда нежности, бесстыдство окружающих их мещан, торговцев, сутенеров, политиканов. Они сержены. Они ощущают проглатывающую чуждость и понимают друг друга с полуслова. Они щедры в своей человеческой привязанности, мужественны в гневе и мести. Но...

Тут, по сути дела, и кончается то, что составляет светлую сторону человеческого облика героев Ремарка. А дальше начинается уже спор о них с большими писателями. Спор с принципиальных позиций.

В романах Ремарка, в том числе и в книге «Три товарища», мы не встречаем людей, которые, мечтая о простом человеческом счастье, всем сердцем стремились к нему, предстали бы в то же время как борцы за это счастье. Они просто жаждают некоей гармонии человеческого существования.

Ремарк и в «Трех товарищах» умалчивает о том, что стремление к гармоническому устройству жизни, способность к глубоким и подлинным чувствам в наше время абсолютно неотделимы от политических и социальных взглядов человека. Герои Ремарка удивительно аподитичны. И, несмотря на то, что «политика», раскрывающаяся хотя бы в примате времени, так или иначе наличествует в произведении художника, герои его с редкостным упорством отстраняются от нее. Даже если

жизнь заставляет их решительно встать против зла несправедливости, подняться на мость правды, они идут на это — как Отто Кестер в «Трех товарищах», как Равик в «Триумфальной арке» — лишь в одиночку...

Их страдания и радости — это страдания и радости одиночек. Человек-одиночка, в сущности, и есть тот собирательный герой, о котором всегда рассказывает нам Ремарк, герой, которому он сопоставляет, которому посвящает свои мысли, о котором слагает свои книги...

Скажем же большею художником во всей откровенности, что воспевание боли и тоски одиночества в нашу эпоху не есть идея жизнеутверждающая.

ДУЖЕ раньше предвзвучу тип «А реки, которые могут мне адресовать, что же, мол, тогда так горячо волнует, подкупает читателей в «Трех товарищах», ежели в основе этого произведения не лежит крупная, жизнеутверждающая идея? Ответу Волнуетку не равновесны мои ограниченные большой идеей, но очень четкие наблюдения, детали, частности, подкупают чрезвычайно тонкое психологическое мастерство художника.

Бесконечно жгучей и бесконечно лиричной смысла мир случайностей окружает героев романа. Каждая из этих случайностей, даже самая как будто прекрасная, самая счастливая, оборачивается для них новой страшной ловушкой, новой запятой смерти. Изломанными и нецелостными вылились они из одной любви, чтобы поблужать к другой. Они подобны каплям осеннего дождя, бегущим по заплаканному оконному стеклу капризными, извилистыми линиями... Иногда этим каплям случается слиться в одну большую. Слиться прочно, органично, неразрывно. Так в «Трех товарищах» как будто проны и органичны дружба, товарищество, любовь... Но понаблюдайте за каплями. Вот некоторые из них стали крупнее, тяжелее. Именно поэтому они скорее прочь скользнут вниз, в небытие, исчезнут навсегда...

Любовь Робби и Пат — любовь самозабвенная, мучительно-волнующая, тревожная и безоглядная. Как будто прекрасная, полная поэзии любовь! Но она, обогатив любящих людей, обостряя их чувства, дает им лишь призрак счастья, она — убывает смерть лежущим. Столь же трагична история жизни и смерти Готфрида Ленца. Неясно, бегло Ремарк все же намекает, что Ленц — честный, трудовой человек — противится тем «порядкам», которые несут молчалицы в кичливый рублик, поурочные бесноватого Гитлера. Где-то за рамками повествования Ленца, видимо, находит единомышленников, душой сливается с ними. И тоже неотвратимо, бессмысленно гибнет, скользя в черную яму смерти. Молчаливый, серживый Отто Кестер... Он любит Робби, как сына. Он принял в свое сердце и Пат, престелую возлюбленную Робби. Он бескорыстен и благороден. Однако и Отто раздален, уничтожен жизнью.

А сколько еще безысходных коллизий в «Трех товарищах»? Страшными тенями проведет по страницам романа уличные девки: Роза, Лилли, Фрици, Валли, Лина с деревянной ногой, Эрна, Марион, Марго, Мими. Описывается их «деловая» ночная жизнь. А самоубийство Хассе? А смерть жены булочника? А «приславный» трунов Ферди-нанд Гроу? А больница Жаффе?

И все это слагается в картину дущеарадирующего человеческого несчастья. Несчастья самой жизни, где счастливым быть немалым, невозможно!

Именно здесь обличительная, антифашистская направленность

творчества Ремарка переходит в ущербность. Правда, крупный художник, Ремарк в «Трех товарищах» очень искусно переменяет свет и тьму, вводит в роман и шутку, и улыбку, и доброе слово. Но всякий раз после вспышки желанного света тьма, обступившая героев, становится словно еще гуще, еще плотнее и непрогляднее.

Почти полное количество ярких страниц в «Трех товарищах!» А главы в целом менее значительны такой страницей. Иногда слово, фраза напоминающая как страсть, стихотворения. Не все вместе звучит как беззвездный стон, надрынная и беззвездная тоска о невозможном, несбыточном счастье.

— Будь она проклята, эта жизнь! — вот лейтмотив книги...

КАК же следовало инсценировать эту сложнейшее по своей художественной ткани произведение, чтобы сохранить присущие ему особенности? Как решать спектакль? Как трактовать образы героев?

Мне думается, самый замысел показав «Трех товарищ» на сцене обречен на неудачу. И без того разрозненные детали повествования в инсценировке еще более «обособились», распались. Неодо подлагать, что С. Микаэля, инсценировавший роман для театра. Ермоловой, видел всю тяжесть ваятой на себя вадимы. Он, несомненно, хотел сохранить в инсценировке все лучшее из творчества Ремарка. Но удалось ему «вернуть» из романа в инсценировку лишь то, что связано с эпизодами, решающими судьбу Робби и Пат, начавшая с их встречи и кончая смертью девушки. Получился вполне «абстрактный» пересказ любовной фабулы романа.

Поворачивается сценический круг, ограниченный по сторонам знаменами из блестящего пластика. Поворачивается, чтобы вынести перед зрителями то уют бара, где хозяйничает Алфонс, то уютную комнату Робби, со уголком сталини, где так трагически обнаруживается болезнь Пат. Между картинками — сцены-заставки, то в мраке улич, то на травке у моря. Каждая из этих картин в какой-то мере передает содержание того или иного фрагмента романа. Действительно, именно в такой последовательности развивалась история Робби и Пат.

Но где же хватаящая за душу трагизм Ремарка, потрясающая личность вкрапленных в роман горестных душевных переживаний героев? Все это, изъятые из нервного, но напряженного, то уныло-безнадежного повествования, стало чем-то напоминать слащавую бытовую мелодраму. Ущербность? Ее нет и в помине, но неизвестно, хорошо это или плохо!

Было бы странно призывать театр, режиссера и инсценировщика С. Микаэля к созданию ущербного спектакля, который нес бы в себе то, что чуждо нам в Ремарке. Но, попытавшись убрать это — чужое и далекое нам, театр лишь сохранил и лучше, чем обладает писатель. Прежде всего обидены характеры, исчерпав углубленного психологом, который делает героев живыми, теплыми, осязаемыми. Нет глубины радужный у В. Андреева — Робби, хотя как будто актер играет и правдиво, и достоверно. Образ Лилли — большой радужный над жизнью, лишен сложности и, главное — значительности. То же и с Пат (артистка Н. Фатеева). А без этих двух центральных характеров нет спектакля.

Итак, лирико-трагедийная тема сведена к банальной истории

НА СЦЕНЕ

двух молодых людей, один из которых смертельно болен. А тема дружбы, огромного человеческого единства, единственно и помогающего жить героям Ремарка? Есть хорошие куски у В. Декарева, играющего Отто Кестера. Глубок, тонко и по-человечески analyzes С. Зайцев — Альфонс. Но рядом — потери невозможности... И тема дружбы в спектакле выглядела слабой и невыразительной.

Это о героях центральных. Но ведь и эпизоды, и фигуры проходящие, столь важные для воплощения лучшего в Ремарке, срублены театром.

Постановка выключена и не имеет единого художественного образа. То условная конструкция, то по сцене скользят блестящие тени прощаний, то вдруг по всем великолепием видишь натурально-стеганое, тяжеловесно-пыльное шелковое одеяло... Художник И. Зеленский, очевидно, испытывая те же трудности, что и постановщик С. Микаэля,

де, стремительный «Карла, непобедимый «призраком шоссе», присутствует в спектакле. И даже сделаны попытки показать «Карла» в движении. Но его неуловимые «развороты» кажутся символически: сооружение, появившееся на подмостках, столь же мало напоминает гоночную машину Кестера, как спектакль — роман...

Н. ПОЛЧЕНОВА.

Соборская Библиотека
1960. 14 июн